

Екатерина Соболев
Приключения
экспоната

Екатерина Соболев

Приключения экспоната

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74283011

Екатерина Соболев. Приключения экспоната: Вимбо; Москва; 2026

ISBN 978-5-00224-940-4

Аннотация

Паша – очень правильный мальчик. Хорошо учится, интересуется физикой и искусством, слушается взрослых и всё делает как надо. Правда, он боится буквально всего: высоты, микробов, собак, а особенно – разочаровать папу.

Летние каникулы после седьмого класса должны пройти как обычно, но отец Паши внезапно пропадает, а сам школьник невольно становится героем головокружительного приключения с погонями, расследованием, неожиданным врагом и даже тайным союзником.

Вместе с одноклассником, хулиганом Ильёй, нечаянно втянутым в историю, Паша отправляется в рискованное путешествие по России, чтобы найти отца. В пути встретится много трудностей, и забавных, и опасных, но главное испытание ждёт в конце путешествия. Смогут ли мальчишки принять правду о своих отцах – а заодно и суровые правила мира взрослых?

Из отзывов:

«Книга захватывает с первых страниц, события меняются очень быстро, опасность подстерегает героев на каждом шагу, а загадочные сообщения только подливают масла в огонь», –
Татьяна, @tata_moget_vsyu

«Читается захлѐб, реально, оторваться невозможно. Приключения, погони, таинственные послания, удивительные встречи. Но кроме этого разговор с читателем на важные темы. Доверие, взаимоотношения в семье, любовь, предательство, отчаяние и надежда», –
Ульяна, @mullimata

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	35
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Екатерина Соболев

Приключения экспоната

© Екатерина Соболев

© ООО «Вимбо»

Глава 1

Вариант номер два

– Ты у нас прямо великий художник, Соломатин. – Паша перегнулся через кривую линию, которая делила их парту, и немедленно получил локтем в бок. – Давай от учебника обложку оторвём – и на выставку. Современное искусство глазами гения из Красногорска.

– Из Краснодара. Да что ты вообще понимаешь? – огрызнулся Илья, продолжая сосредоточенно малевать череп с костями на учебнике по алгебре.

– Ого, ты прямо мастер остроумных ответов. У меня папа искусствовед, так что понимаю я больше тебя. И в этом, и во всём остальном. Кое-кто у нас совсем тупой. Хотя, может, там, откуда ты приехал, все такие были и ты на их фоне не слишком выделялся.

Илья скривился и пнул Пашу. Тот ахнул и схватился за ногу.

– Вы оба в курсе, что я уже раздала вопросы и все начали писать? – Наталья Дмитриевна нависла над ними. – Приступайте.

Паша самодовольно улыбнулся и склонился над листом с надписью: «Итоговая контрольная работа по алгебре за 7-й класс: вариант № 1». Задачи были легче некуда: он такие ещё

полгода назад как орехи щёлкал. Над ухом раздавалось еле слышное кряхтение – Илья отлично знал, что у них разные варианты, но беспомощно старался подсмотреть. Паша поставил локоть так, чтобы заслонить свою работу, просто из принципа. Через двадцать минут он закончил и огляделся.

Наталья Дмитриевна ходила вдоль задних рядов, то и дело доставала у кого-нибудь с коленей учебник или телефон и шёпотом ругалась. Илья продолжал сосредоточенно рисовать череп. Он не написал вообще ничего.

– Что ж вы в Красноярске на алгебре делали? В «Морской бой» играли?

– В Краснодаре, – выдавил Илья, прорисовывая черепу зубы с такой тщательностью, будто и правда собрался пристроить свой шедевр в музей.

Месяц назад он с семьёй переехал в Москву и пошёл в эту школу – под конец учебного года, ни то ни сё. Наталья Дмитриевна сразу посадила его с Пашей, сказав, что долг отличника – хорошо влиять на новенького и помогать ему адаптироваться.

Ага, ждите! У Паши всегда всё было лучшее в классе – телефоны, кеды, оценки. То, что к нему подсадили деревенщину в растянутых брюках, который вытирает нос рукавом, оскорбило его до глубины души.

В классе было тихо: все сосредоточенно дышали, сражаясь с алгеброй. Паша ещё раз глянул на новенького – вот лу-

зер, даже на трояк не нарешал – и вдруг понял, что тот слишком часто моргает, а его ноздри еле заметно вздрагивают.

– Ой, какие мы нежные! По твоей квадратной физиономии и не скажешь. Ну получишь двойку, и что? Хотя стоп, я не знаю, со мной такого не бывает.

Илья сжал маркер так, что пальцы побелели. Ещё немного – и протрёт обложку насквозь.

Паша посмотрел в его лист с надписью «Вариант № 2», потом на Наталью Дмитриевну, которая тихо ругала Ваню с заднего ряда: тот подготовился к контрольной, переписав алгоритмы решения уравнений себе на руки. Паша одним пальцем подтянул к себе «Вариант № 2» и начал записывать формулы и числа – так, чтобы было похоже на неразборчивый почерк Ильи. На этот раз ему хватило десяти минут. Варианты контрольной были похожи, как братья. Закончив, Паша воровато огляделся и двинул лист обратно в сторону Ильи.

– Три задания неверно сделал. Кто поверит, что ты внезапно поумнел? – высокомерно проговорил Паша, достал влажные салфетки и принялся оттирать с пальца чернила: он терпеть не мог ходить с грязными руками.

Илья смотрел так, будто Паша у него на глазах превратился в инопланетянина и сообщил о своём намерении захватить Землю.

После урока Илья подошёл и протянул Паше руку, с вы-

зовом глядя на него. Взгляд этот говорил: «Только расскажи кому, как я расклеился на алгебре, – пожалеешь».

– А ты не совсем урод, – снисходительно сказал Илья. – Хочешь мяч погонять после школы?

Паша засунул руки в карманы, с неприязнью глядя на чёрные полоски грязи у Ильи под ногтями.

– Не надейся и дальше на мне выезжать. На алгебре просто скучно было. А после школы мне и так есть чем заняться.

– Ну ты и... Я-то думал, чего с тобой никто не дружит?

Илья отошёл, залез на подоконник и уткнулся в телефон. Паша хотел крикнуть вдогонку, что к Илье тоже не стоит очередь из желающих пообщаться, но раздумал и до конца перемены повторял слова по английскому. Паша и так их отлично знал, но ему хотелось выглядеть человеком, который всегда чем-то занят и у которого нет времени на болтовню. Как отец.

Вот вырастет – и станет даже круче, чем папа. А такие, как Илья, потом идут бургеры продавать. Так жизнь устроена.

* * *

– Пап, сегодня выложили результаты олимпиады по химии, – Паша проскользнул на кухню и остановился в дверях. – Я прошёл в городской тур, в сентябре пишем.

– Хм, – сказал отец. Одной рукой он держал чашку, второй, как обычно, водил по экрану лежавшего перед ним

планшета.

– А ещё я узнал, что недалеко есть курсы по веб-дизайну. Запишусь. Лето же надо как-то полезно проводить, да?

Отец, не отрывая взгляда от экрана, быстро, с нажимом проводил по нему пальцем, будто постоянно смахивал невидимую пылинку. Кухня была огромная: от отца Пашу отделяло метров семь дубового паркета, и он не решался сделать по нему ни шагу.

– Пап, давай я что-нибудь на обед закажу? Китайскую еду или пиццу, ты что больше хочешь?

– Ага, – сказал отец, и тут Паша заметил у стола маленький чемодан для коротких поездок.

– Ты уезжаешь? По работе, да? – спросил он, переминаясь с ноги на ногу. – Что-то интересное нашёл?

Отец рассеянно кивнул.

– Пап, ты знаешь, а я решил сделать татуировку. Гигантского скорпиона на всю ногу. Бросить школу и сбежать в Китай.

– Да-да, – сказал отец.

Паша вздохнул и ушёл к себе. Он открыл ноут и сел играть, уговаривая себя, что не всем так повезло с отцом, как ему. У некоторых родители в вещах копаются, убирать всё время заставляют, за оценки ругают. А его отец даже к нему в комнату почти не заходит.

За окном раздавался глухой стук мяча. Илья и его краснодарское семейство жили в пятиэтажке, которую каким-то

чудом ещё не снесли – рядом с их новостройкой она была как гнилой зуб, – и целыми вечерами лупил мячом о стену трансформаторной будки. Будто знал, что Паша живёт на втором этаже, и нарочно его донимал! Паша натянул наушники и сделал звук погромче.

Через полчаса отец постучал к нему. На этот раз у него в руке был телефон и он набирал кому-то сообщение.

– Улетаю по делу в одно местечко в районе Сочи, – не отрываясь от экрана, сказал он. – У меня вечером там встреча, вернусь самое позднее завтра днём. На ужин сам что-нибудь закажи, пусть хоть пиццу привезут. Да, и найди какие-нибудь курсы, чтобы летом не бездельничать.

Отец подхватил чемодан и вышел, не дожидаясь ответа.

Всё могло закончиться как обычно: он бы приехал, а потом снова куда-нибудь уехал, Паша ходил бы летом на курсы, играл на компе и читал книги по физике – спокойная, нормальная жизнь.

Вот только на следующий день отец не вернулся.

Глава 2

Морж и мяч

Ко вторнику школа почти опустела: у выпускных классов начались экзамены, остальные лениво закрывали долги, отмечались в электронном журнале и заскакивали в школу разве что учебники сдать. Паша пришёл забрать диплом за выступление на городской конференции школьников, чтобы он не затерялся летом. Но на самом деле – потому что сидеть дома было невыносимо.

Отец собирался вернуться в субботу. В воскресенье Паша просто ждал. В понедельник он написал отцу сообщение. Оно осталось непрочитанным, а статус «был недавно» не давал понять, когда папа в последний раз заходил в сеть. Тогда Паша решил позвонить, чего почти никогда не делал – вдруг отвлечёт папу от важных переговоров? Но раньше отец и не пропадал так надолго, не предупредив.

На звонок никто не ответил. Паша послушал гудки, сбросил вызов. Подождал. Набрал снова. Подождал час, два, три. Отец не перезвонил, и вот это было действительно странно. Он знал, что Паша по ерунде донимать не будет, и всегда перезванивал сразу, как только мог. Паша позвонил опять, и ещё раз, звонил весь вечер и утро – ничего.

И вот сейчас он тащился по школьному коридору, убеж-

дая себя, что всё в порядке. Может, такая важная сделка, что у всех технику отобрали. Или... И тут телефон звякнул. Но это был не отец – просто уведомление о новом сообщении «ВКонтакте».

«Не звони в полицию и никому не верь. Когда за тобой придут – беги».

– Очень смешно, – пробормотал Паша, глядя на аватарку: морщинистый старик с глазами-щёлочками и седой бородой. Имя пользователя – Мудрец_05, профиль закрытый. Наверняка мошенники.

– Привет, как сам?

Паша резко обернулся. Илья-то в школе что забыл? Ладно, наплевать. Паша собирался продолжить путь, но от Ильи так просто было не избавиться.

– Наталья Дмитриевна на «мотивационную беседу» вызывала. – Илья пальцами показал в воздухе кавычки. – «Читай летом список литературы, делай допзадания по математике, подумай, чем хочешь заниматься в жизни» и всё такое. – Он так скривился, что стало ясно: книги из летнего списка будут ждать его зря. – Кстати, она мне за ту контрольную четвёрку поставила. И в году тоже четыре, для поощрения будущих успехов. А ты тут чего? Тоже мотивироваться пришёл?

Паша обогнул его и пошёл дальше. Вслед донеслось возмущённое бормотание Ильи, но Паша и ухом не повёл. Снова набрал отца – с тем же результатом. Паша вдруг разозлился. Отец точно в порядке, у него всегда всё под контролем!

Так почему не мог хотя бы позвонить? Паша продолжал кипятиться, когда шёл домой, заставлял себя злиться уже через силу, как лекарство пить, только бы не бояться.

У подъезда его окликнули.

– Паш! Ты? Сын Валеры Орлова?

Перед ним стоял мужчина с седыми усами. Усы были такие пышные, что какое-то время Паша просто таращился на них. Потом заметил кое-что ещё: мятая старая рубашка, в которую одет незнакомец, застёгнута наглухо, хотя на улице жара. Если у папы и были друзья, о чём Паша никогда не слышал, он представлял себе, что они сами вроде отца – в дорогих костюмах и с кожаными портфелями. А этот человек походил на электрика. Паша выдавил вежливую улыбку и приготовился юркнуть в подъезд, но усатый добродушно хлопнул его по плечу:

– Мы никогда не виделись, сам знаю, но ты уж мне поверь. – Мужчина смотрел на Пашу так, будто тому пять лет, а не тринадцать. – Валера задерживается, просил за тобой присмотреть, накормить и всё такое. Уже пятый час, а ты небось не обедал.

– Откуда вы знаете, как я выгляжу?

– Валера фотку твою показывал.

Паша растерянно хмыкнул. Он с трудом представлял, как отец показывает кому-то его фотографии. А усатый продолжал:

– Тебя там награждают за победу в каком-то школьном

конкурсе. В прошлом, что ли, году.

Паша вспомнил: такую фотку он папе действительно присылал. Значит, усатый не врёт.

– Валера просил отвезти тебя куда-нибудь поесть. Ты ж как раз год закончил! Какой, шестой?

– Седьмой.

– Быстро дети растут... Ладно, пошли. – Усатый шагнул к машине, припаркованной перед домом. – Готовить я не умею, уж извини, а то сам бы чего сварил.

– А вы папу откуда знаете?

– По работе пересекались.

– Вы тоже искусствовед?

– Типа того.

Паша бестолково замер посреди дороги. Отец всегда говорил: «Взрослых надо слушаться, они знают лучше. Никогда с ними не спорь, делай, что тебе говорят, тогда всё будет хорошо».

– Слушай, тебе же интересно, где твой папа задержался? – нетерпеливо переспросил усатый. – Всё расскажу по дороге, там такая история! Чего хочешь: бургеры, пиццу, роллы?

Паша заколебался. Он не помнил, чтобы хоть раз ответил отказом на просьбу взрослого. Усатый распахнул дверь машины, подождал, пока Паша залезет на переднее сиденье, захлопнул её и сел за руль. Потом Паша услышал щелчок. Двери заперли.

– Сейчас поедem, – сказал усатый.

Но к рулю он даже не притронулся. Вместо этого усатый дёрнул Пашу к себе, прижал спиной к своей груди и положил ладонь ему на горло. Паша панически вдохнул, но твёрдые пальцы сдавили шею с боков, и воздух в лёгкие не попал. От ужаса всё внутри будто превратилось в застывший пластилин, он попытался крикнуть, но куда там! И тогда Паша обеими ногами пнул дверь. Наглухо запертую дверь.

– Ну, ну, тихо, не убью я тебя, – всё тем же добрым, успокаивающим голосом сказал усатый. Ему не стоило никаких усилий держать Пашу: пятёрки по физкультуре тот получал за старательность, а не за успехи. – Просто отвезу к папе.

Паше стало так жутко, что он наконец вышел из оцепенения. К этому моменту бóльшая часть лишённого кислорода мозга уже ушла в спящий режим, но Паша кое-как сосредоточился.

«Нужно открыть дверь. А для этого – нажать кнопку рядом с водительским сиденьем, но туда не дотянуться. Вот бы он меня выпустил хоть на секунду...»

Ощущение того, как собственный пульс отдаётся в ладонь усатого, было отвратительным, но Паша заставил себя полностью прекратить сопротивление, обвис, как мягкая игрушка. Хватка сразу ослабла – кажется, убивать его усатый действительно не планировал, просто хотел вырубить. Паша с хрипом вдохнул и рванулся к кнопке, нажал, но вылезти из машины не успел: усатый схватил снова. Паша собирался крикнуть, позвать на помощь, но рука тут же зажала ему рот.

И тогда Паша её укусил. Он смог ухватить зубами лишь тонкую полоску кожи, но, похоже, отчаяние придало ему сил, и получилось больно. Усатый зашипел и отдёргнул руку, Паша рванулся вперёд, нащупал дверцу и вывалился из машины. Помчался, сипло втягивая воздух. Перед глазами плыли круги, лёгкие жгло, надо было звонить в полицию, но в голове билась одна мысль: «Беги, беги, беги!» Его окликнули, но он не остановился, а потом что-то сильно ударило его в ногу, и он растянулся на асфальте.

– Эй, ты!

Это был голос Ильи. Паша с трудом повернул голову. Илья возвышался над ним, поставив ногу на мяч, которым, очевидно, и засветил ему по колену.

– Хватит комедию ломать, вставай. Я тебе не сильно двинул – просто здоровался.

Паша сделал попытку подняться. Отодрать себя от земли было как пытаться отклеить от пола засохшую жвачку.

– А вот и он! – раздался голос усатого. – Спасибо, парень. Малец бы от меня сбежал, если б не ты.

– Я твоего батю как-то по-другому представлял, – сказал Илья.

Слова долетали до Паши как сквозь толстое одеяло.

– А я и не его отец. Тот уехал по делам, а меня просил присмотреть за сынком. Я приехал, покормить его хотел, а он скандалит. Вот ведь избаловали парня! Без тебя бы упустил и где бы искал потом? Всё, Паш, идём.

«Ого», – не без восхищения подумал Паша. Он не представлял, что взрослые умеют так складно лгать. Илья возвышался на фоне разукрашенной трансформаторной будки мощно, как герой комиксов, и Паша попытался взглядом передать ему, что усатый врёт, но тот не понял и рывком поднял Пашу на ноги.

– Сам себя покормить не можешь, да? Цирк какой-то. – Илья выплюнул жвачку на землю, и Паша невольно поморщился от этого зрелища.

Усатый потянул Пашу за собой. Тот так задыхался, что ни слова не мог выдавить и только жалко, с присвистом втягивал воздух. Во дворе, кроме Ильи, никого не было, а от него помощи ждать нечего, поэтому Паша просто боролся с головокружением и упирался, чтобы помешать себя тащить.

Илья вдруг перегородил им дорогу:

– Да ладно, пусть погуляет, а то он зелёный какой-то.

– Ничего, это от голода.

– Слышь, дядя. Ещё раз – ты работаешь с его батей?

Усатый кивнул.

– Искусствовед, значит, – протянул Илья, и на его простецком лице проступила задумчивость такой глубины, будто он пытался решить уравнение.

На этом терпение усатого, кажется, кончилось:

– Так, а ну дуй отсюда!

Илья выпятил челюсть:

– А ты мне чего приказываешь? Страна свободная, двор

общий, где хочу, там и стою.

Улыбка на лице усатого будто затвердела:

– Слышь, Роналду дворовый...

– Роналду, ага. – Илья задумчиво покивал, а потом каким-то неуловимым движением, без замаха, отвёл ногу назад и со всей силы пнул мяч.

Усатый завопил во весь голос и согнулся пополам, прижимая к себе руки, из чего Паша сделал вывод, что Илья не промахнулся. Очевидно, он точно и прицельно угодил дяде туда, куда хочется получить меньше всего. Цепкие пальцы с рукава исчезли, и Паша бросился прочь, спотыкаясь на каждом шагу. В глазах у него достаточно прояснилось, чтобы он смог понять: дом совсем близко. Трясущимися руками вытащил ключ от домофона, взбежал на второй этаж, открыл все замки, влетел в квартиру, запер дверь и сполз на пол. И только тут заметил, что весь этот путь Илья проделал вместе с ним и теперь сидел на антикварном столе с таким видом, будто всё это – отличное приключение.

– Почему ты... – выдавил Паша. Язык еле ворочался во рту, словно распух.

– Да я просто по ноге хотел врезать! Чего он на меня наехал? «Роналду дворовый»! Мне дед всегда говорил обиду никому не спускать, сразу бить! Но этому я, кажется, зря впел. Ты его перстни видел?

– Что?

– Ну, татуировки на пальцах!

– А?

– Бэ! У него там кресты, тузы какие-то!

Паша ничего не заметил, но запоздало сообразил: когда усатый подошёл, у него не только воротник был наглухо застёгнут, но и манжеты рубашки натянуты аж до пальцев. Вот, оказывается, почему...

– И что?

– А ещё папа искусствовед! Что ты понимаешь? Это значит, в тюрьме он сидел! А ты думал, чего он в жару весь застёгнутый? На нём небось целая галерея! Ты у нас весь такой сыночка – корзиночка – кормить тебя точно не послали бы типа вроде этого Моржа!

– Почему Моржа? – спросил Паша, прислушиваясь. За дверью было тихо.

– У него усы как у моржа. Кстати, где твоя мать? Она в курсе, что тут творится?

Паша издал хриплый звук, надеясь, что это сойдёт за смешок, кое-как поднялся и побрёл на кухню – выпить воды.

– Ничего себе квартирка! Да такую мыть замучаешься. А чего этот Морж хотел-то? Джакузи свистнуть?

– У нас нет джакузи, – старательно выговаривая слова, выдавил Паша. Горло ужасно болело. – Мой папа пропал.

– Чего ты мямлишь? Ого, белый кожаный диван!

– Два дня на звонки не... не отвечает. Я к этому в машину сел, а он меня... Он сказал, что знает, где мой отец.

Паша застыл, не донеся стакан с водой до рта. Он по-

нял одну вещь: отец работает без команды, сам на себя. Родственников у них нет: папины умерли, с мамиными они давным-давно не общаются. И теперь никто не знает, где отец. Никто, кроме человека с усами.

Паша судорожно зашарил по карманам и вытащил телефон:

– Я звоню в полицию.

Илья расхохотался так, будто Паша сказал что-то действительно смешное.

– Полиция детей не слушает, ты в курсе? Особенно таких, как мы.

– Таких...

– Тринадцатилетних. Подростки вообще никому не нравятся. Полицейские решат, что ты их разыгрываешь. И даже если нет, думаешь, Морж будет стоять и ждать, пока они приедут? Думаешь, поверят, что ты его не выдумал?

– Ты им скажешь.

– Ага, конечно. Я к полиции и близко не подойду. Мать узнает – решит, я во что-нибудь ввязался. Оно мне надо?

– Мой отец пропал. Они его найдут.

– А знаешь, как ищут пропавших? Никак! Потому что почти все в конце концов притопают домой, а полиции время на это тратить неохота, у них дел хватает. И вообще, может, твой папаша просто решил развлечься, а про тебя забыл. Взрослые вечно так делают!

– Он бы так не сделал.

– Все взрослые одинаковые. Короче, мой тебе совет: просто жди, когда твой батя повеселится и вернётся. Сиди дома, чтобы этот ворюга опять к тебе не пристал. Еда закончится – переходи на комнатные растения, они у вас знатные. Это что, апельсины?

– Полиция же людей спасает, – сказал Паша, глядя, как Илья отдирает от ветки мелкий декоративный апельсин. Он надкусил его, скривился и выплюнул в стоявшее на столе блюде. Паша подавил вздох. – Все вокруг как сговорились: не звони, не звони...

– А кто ещё? – спросил Илья, ковыряясь пальцем в зубах – там застряли жёсткие апельсиновые перепонки.

Паша три дня беспокоился в одиночку и сейчас рад был даже такой компании – лишь бы с кем-нибудь поговорить про отца. Он показал Илье сообщение от Мудреца_05. Илья так долго и задумчиво вглядывался в него, что на секунду у Паши вспыхнула мысль: вдруг он читать не умеет?

– Тебе прислали это, – наконец протянул Илья. – И после этого ты пошёл и сел в машину к незнакомому мужику. Когда тебе в школе ставят пятёрки, они знают, что ты дебил?

Но Паша его уже не слушал. Он вспомнил: с утра в день отъезда папа договаривался по телефону об ужине в центре Москвы, а значит, никуда не собирался. Если отец мгновенно сорвался с места, значит, наткнулся на что-то интересное – ценную вещь, которую надо быстро купить, пока не перехватили.

Паша бросился в комнату отца – может, что-нибудь подскажет, куда он поехал? В кино герои в этот момент начинали подбирать пароль к компьютеру и узнавали оттуда все тайны, но отец забрал с собой и планшет, и ноутбук, и телефон. На столе лежала только куча бумаг: документы на картины, контракты, описания. Паша просмотрел даты на верхних – им всем не меньше недели.

– Этот стол, он прям весь деревянный? Ого, доска какая толстая! Типа старинный какой-то?

– Начало двадцатого века, – рассеянно ответил Паша.

Илья презрительно фыркнул и пнул ножку стола:

– Слышь, пойду я. Неуютно у вас, а мне пора мяч искать. Морж вроде ушёл, не слышно ничего: испугался, что полицию вызовем. Дверь за мной запри.

Отец часто записывал что-то на первом попавшемся клочке бумаги, когда говорил по телефону. А вдруг он... Паша ещё раз аккуратно перебрал бумаги. Есть! На одном из верхних листов было написано: «УчД 23 05 9 05 20Б». «23 05» – похоже на двадцать третье мая. День, когда отец уехал. Наверняка это записи про ту самую встречу. Но что значат остальные цифры и буквы?

Паша сунул лист в карман, бессильно рухнул в кресло и наткнулся взглядом на картину, висевшую над отцовским столом. Паша знал её с детства: портрет старика, автор – Григорий Угрюмов, художник девятнадцатого века. Старик смотрел прямо на Пашу, осуждающе и строго, будто спра-

шивал: «И что ты теперь будешь делать?»

Под этим взглядом Паша вдруг понял, как быть, словно в голове всё залило светом – ослепительным, как от прожектора на стадионе.

– Эй, алло! Чего завис? – Илья пихнул его в плечо. Паша вскочил и рванул в свою комнату, Илья потащился за ним. – Да у тебя в комнате в футбол играть можно полной командой! А это что вообще?

Паша без интереса вскинул голову, нашаривая в шкафу рюкзак. Илья смотрел на плакаты у него на стенах.

– Картины. Ну, не настоящие. Просто плакаты с картинками.

– У нормальных людей висят футболисты, ну или герои комиксов, а у тебя...

Илья щёлкнул пальцами по стеклу рамы со «Звёздной ночью» Ван Гога. Паша покраснел, яростно запихивая в рюкзак первые попавшиеся вещи. Потом сообразил туда же переложить из кармана записку отца, чтобы точно не потерять.

– Это тебя папаша, что ли, заставил?

– Нет. Он даже не знает. Это мои плакаты. То есть я думал, что он зайдёт и спросит, но он не... Неважно.

– Знаешь, я раньше считал, что у меня семейка чокнутая, но куда нам до... – Илья напрягся, не договорив. Паша выпрямился, застёгивая рюкзак, но Илья смотрел не на него, а куда-то в прихожую. – Твоя мать вернулась.

Ответить ему Паша не успел – он тоже услышал.

В замке повернулся ключ.

Паше показалось, что невидимая рука схватила его за горло. Всего ключей от квартиры три: один лежит у него в кармане, другой – у отца, третий – у уборщицы. Но она приходит по четвергам, а сегодня вторник, и, судя по тихому, вкрадчивому повороту ключа, это не уборщица. У Моржа откуда-то взялся ключ отца, хотя тот никогда не отдал бы ключ чужому. Значит... Получается, Морж не испугался. Он решил дожждаться, пока про него забудут, влезть в квартиру и закончить начатое. Но он же видел, что Илья не ушёл. Что он с ним-то собрался делать? Наверное, реально обиделся за тот удар.

Пока Паша стоял, застыв посреди комнаты, Илья продемонстрировал, что иногда полезно меньше думать. Он бросился в прихожую, упёрся двумя руками в стол под зеркалом и, царапая паркет, дотолкал его до двери как раз в ту секунду, когда замок щёлкнул и дверь распахнулась. Точнее, собиралась распахнуться, пока ей не помешали двадцать килограммов антикварного дерева.

Илья решил не останавливаться на достигнутом и подпихнул к двери старинный комод, который на вид невозможно было сдвинуть.

– Вы чего, из музея его спёрли? – запыхавшись, спросил Илья. Судя по лицу, ему казалось, что они отлично проводят время.

– Нет, почему? Папа на аукционе купил.

– Что у вас за жизнь такая! – Илья запрыгнул на комод и сел, болтая ногами. Комод трясся: Морж толкал дверь с другой стороны. – Соседи услышат, что мебель двигаем, жаловаться прибегут.

– У нас ничего не слышно. Квартиры все слишком большие, звукоизоляция хорошая.

– Мне б ваши проблемы! Слушай, может, ты отомрёшь уже и скажешь, чего нам делать?

И тут с другой стороны двери раздался голос Моржа:

– Паша, открой! Нам нужно поговорить. Я знаю, где твой отец, и отвезу тебя к нему. Я не врал! Просто всё сложно, но я объясню, только открой.

Нет, больше он на это не купится! Даже если Морж знает, где отец, доверять бандиту – худшее, что можно сделать. Паша сунул ноги в кроссовки и подхватил с пола рюкзак. От страха всё дрожало внутри, и он повторял про себя: «Я умный, у меня штук двадцать грамот за олимпиады, потому что я умный. Побег – просто ещё одна задача, которую надо решить».

Паша дёрнул на себя створку окна.

– Слышь, когда ты сказал, что тебе есть чем заняться после школы, я думал, ты имел в виду зубрёжку. А ты умеешь развлекаться, – одобрительно сказал Илья, глядя вниз из-за его плеча. – Второй этаж, бывает хуже. Я и с третьего один раз слезал. Ладно, пошли, чего замер? Мне с твоим новым другом тоже неохота встречаться.

– Знаешь, почему мы живём на втором, хотя верхние этажи престижнее? – натянуто спросил Паша. Он стоял и смотрел в окно, комкая лямку рюкзака.

– Тебе даже сейчас обязательно ткнуть мне в нос, какие вы богатенькие? – пробурчал Илья, деловито перелезая через подоконник.

– Я не об этом. Я высоты боюсь.

Но Илья уже скрылся. Снизу раздалось пыхтение, скрежет и грохот.

Паша прикусил губу, надел рюкзак и, зажмурившись, лёг животом на подоконник, а затем, держась за него руками, свесил ноги за окно и болтал ими, пока не наткнулся на дождевой козырёк. Козырёк угрожающе скрипнул, и Паша собрался в панике влезть назад, но услышал, что входная дверь подалась и Морж, сдвинув комод, протискивается в квартиру. Паша заставил себя открыть глаза и огляделся. Рядом шла водосточная труба. Он ухватился за неё и, ободрив ладони, съехал вниз, лихорадочно думая о том, что совершает самый безумный поступок в своей жизни. Когда ноги коснулись земли, Паша покачнулся, но устоял и бросился прочь. Илья мчался впереди, Паша – за ним. Они петляли по району, уходя всё дальше, в незнакомое царство пятиэтажек. Наконец Илья остановился, прислонившись к обшарпанной стене. Из подвальных окон тянуло чем-то затхлым.

– Всё, вроде оторвались. Я отсюда могу в обход домой пробраться, а ты давай, серьёзно, позвони своей маме. Может,

она поверит тебе теперь, когда к вам в квартиру забрались. Ладно, бывай!

– Я найду его, – брякнул Паша, вытаскивая из кармана телефон.

– Кого?

– Отца. Сам. Если у него неприятности, ему нужна моя помощь, так? Я его спасу.

Илья неуверенно хохотнул:

– На конкурсе худших идей в истории эта победила бы. И вообще, ты хоть знаешь, где он?

– Примерно знаю. Где-то под Сочи. Полечу в Сочи и там разберусь.

– В Сочи? – На лице Ильи появилось новое выражение. – А деньги откуда возьмёшь?

Паша открыл сайт продажи билетов и начал его изучать.

– У меня есть карманные на карточке. Я её с собой взял.

– Ты в курсе, что Сочи далеко? У тебя сколько, тысяча?

– Тысяч двенадцать.

– Сколько?!

– Папа всегда с запасом переводит. Чтобы я его не дёргал, если захочу записаться на курсы или книги купить.

– Ты на это тратишь карманные деньги?!

– Так, в самолёт, наверное, не пускают без взрослых, так что лучше поезд. Вряд ли там такой же контроль, как в аэропорту! Правда, поезд почти сорок часов едет, но...

Паша сказал это бодро, чтобы Илья не понял: мысль про-

вести в поезде больше суток приводит его в ужас. Но Илья явно думал о чём-то другом, ухмылка сползла с его лица, будто её стерли. Он посмотрел на рюкзак, потом на Пашу и медленно повторил:

– Так ты в Сочи за ним поедешь? Сейчас? На поезде?

– Тебе пятый раз повторить?

– А через Краснодар этот поезд пойдёт?

Паша взглянул в телефон:

– Да, а что?

– Значит, так. План меняется. Я еду с тобой. Ты мне покупаешь билет до Краснодара – денег у тебя полно. Там я сойду, а ты езжай себе дальше.

– Зачем тебе в Краснодар? Вы же оттуда переехали.

– Там кое-что важное осталось, а другого шанса туда добраться у меня не будет.

– Мне на билет только себе хватит.

Илья вырвал у него телефон и посмотрел туда.

– Так это если в купе ехать. Двенадцать тысяч, говоришь? Плацкарт по шесть, нам хватит. Кстати, глянь, билетов в купе уже нету. Вот как раз два в плацкарте остались, прямо для нас!

Тут до Паши наконец дошло, что, судя по серьёзному взгляду Ильи, тот не шутит.

– С чего мне соглашаться?!

– С того, что я вообще-то тебя спас. Знаешь, я, может, и двоечник, но не идиот. Этот мужик не за джакузи приходил.

Ему ты зачем-то нужен. И он небось у твоего дома до сих пор рыщет. Отведу тебя к нему, пусть забирает. Сразу забудет, как я ему двинул, если тебя тёпленьким сдам.

– Никуда я не пойду.

– Уверен?

Илья обхватил Пашу двумя руками, вместе с рюкзаком, и потащил в ту сторону, откуда они только что прибежали. Это получалось у него так легко, что было даже унижительно. Паша пытался затормозить, но кроссовки беспомощно ехали по асфальту – то, что силы у Илья явно больше, чем ума, впервые перестало казаться недостатком.

– У тебя даже вещей нет, – слабо протестовал Паша, хватаясь за ближайший фонарный столб.

Илья крикнул и методично начал разжимать его пальцы. Руки у него были железные, и секунд через десять он уже тянул Пашу дальше.

– А ты за меня не волнуйся. Завтра будем на месте, там мне всё дадут.

– Тебя... тебя родители не отпустят.

– Мне уже тринадцать, я сам себя отпускаю куда хочу. Не веришь?

Илья вытащил телефон, пару раз нажал на экран и, держа Пашу за рукав, чтобы тот не сбежал, прижал телефон к уху:

– Мам, привет. Слушай, я тут к одному другу на дачу сметаюсь на денёк. Куда надо. Да хватит, не психуй. Что мне дома делать? Лето же. Эй, да не реви, со мной всё нормально.

Короче, завтра ещё позвоню. Давай, пока.

Паша понятия не имел, что можно так разговаривать со взрослыми.

– Родителей воспитывать надо, – небрежно сказал Илья, убирая телефон. – А то всю жизнь за мамку прятаться будешь. Пора ей привыкать, что я взрослый.

– Она же волнуется.

– Ой, ладно, что со мной случится? Никуда не денусь. Сестру пусть воспитывает, а я уже...

Илья замер. Прямо им навстречу, трусцой и слегка прихрамывая – кажется, меткий удар Ильи даром не прошёл, – двигался Морж. Он вертел головой, по пути заглядывая в каждый переулок, но их пока не заметил.

Илья сам, кажется, так удивился, что застыл на месте.

– У него что, третий глаз? – растерянно пробормотал он, крепче сжимая Пашину футболку.

– Ладно, – забормотал тот. – Я куплю тебе билет. Что хочешь, только пошли отсюда!

– Поезд с какого вокзала?

– С Киевского.

Илья кивнул так, будто отлично знает, где это, и разжал руку:

– Ну, тормоз, догоняй.

К тому времени, как они домчались до метро, Паша был мокрый как мышь и задыхался, а Илье – хоть бы что. Он сбе-

жал по лестнице под буквой «М», засунув руки в карманы, и Паша бросился за ним. Он бывал в метро, когда они с классом ездили на экскурсии, но один – почти никогда.

Паша направился к аппарату для продажи билетов, но на экране светилась надпись «Временно на работает», и пришлось подойти к кассе.

– Добрый день. У меня нет «Тройки», я могу оплатить проход через турникет банковской картой?

– Ты так странно разговариваешь, – сказал Илья, когда они спустились на платформу. – Мне вот интересно, если ты будешь таскать кирпичи и на ногу один уронишь, что скажешь? «Осуждаю этот кирпич за его ужасное поведение»?

– Зачем мне таскать кирпичи? – огрызнулся Паша, заходя в вагон. – Если понадобится, всегда можно нанять кого-нибудь вроде тебя.

Илья упал на сиденье, уронив руки между колен. Паша опустил рядом, стараясь ничего в этом вагоне не трогать руками. Сколько же людей тут ездит каждый день!

– Пол липкий, – вырвалось у него.

– Да, гений, кто-то что-то пролил. А на лампы забыли бриллиантовые штучки привесить, так что можешь выйти. И как ты в школе учишься?

– С трудом, – брякнул Паша и прикусил язык.

Он никогда не говорил про школу плохо – жалуются только слабые, а на вопрос «Как дела?» нужно отвечать только «Хорошо».

Чтобы сосредоточиться на другом, он вытащил телефон и начал заполнять данные для покупки билетов. К счастью, номер свидетельства о рождении он нашёл у себя в телефоне – папа присылал скан для какого-то школьного заявления.

– Говори номер свидетельства, – сказал он Илье.

У того вытянулось лицо, и Паша с облегчением вздохнул. Если Илья не знает номер своих документов, никакого ему билета, пусть домой возвращается. Несколько минут Илья лихорадочно копался в телефоне, ничего не нашёл и со стоном откинул голову на стену.

– Ну, беру только себе тогда.

Паша не стал даже притворяться, будто его это печалит, и продолжил оформлять себе билет. Но до этапа оплаты добраться не удалось. Паша обратил внимание на слова внизу экрана и приуныл. «При посадке детей в возрасте до 14 лет в поезда дальнего следования необходимо предъявить подлинник свидетельства о рождении или его нотариально заверенную копию».

Получается, знать номер недостаточно... Паша помнил, что свидетельство о рождении хранится у отца среди документов, но побег из квартиры был таким быстрым, что он и не подумал искать. Может, вернуться? А вдруг Морж ждёт около дома?

– Ха! Нет у тебя с собой этой бумажки, так?

Илья нагло изучал экран телефона у Паши в руке и причину заминки понял сразу.

– Держись меня – и всё будет норм. На вокзалах есть кассы, где билеты можно вживую купить. Но с тебя билет! Я там навешаю лапши, пусть мне его без номера свидетельства продадут. И в поезд как-нибудь сядем, проводницу я убола-таю.

Илья сказал это так уверенно, что Паша успокоился. Может, в обмен на билет Илья правда решит все вопросы и никаких проблем не будет.

Но проблемы, конечно, начались сразу.

Глава 3

Беяши и билеты

Паша вывалился вслед за Ильёй на платформу станции «Киевская» и натолкнулся на стену из людей. Белобрысая голова Ильи каким-то образом уже маячила вдалеке: он лавировал среди людей так ловко, будто всю жизнь только этим и занимался.

К тому времени, как Паша наконец пробился к эскалатору, ему три раза наступили на ногу, дважды проехали по ней чемоданом на колёсиках, а один раз он сам встал на чей-то ботинок, извинился, но его не стали слушать. На эскалаторе люди стояли в два плотно сбитых ряда, и Паша вжался в поручень. В школе он по возможности не подходил ни к кому ближе чем на шаг, а здесь про личное пространство будто не слышали. Отец представить не может, на что Паше приходится идти ради него.

Толпа вынесла Пашу на шумную площадь. Он наконец догнал Илью – тот на ходу деловито посматривал на указатели и не замедлил шага, пока не оказался под надписью «Кассы дальнего следования». Очереди не было – кто вообще покупает билеты в кассе, когда есть интернет?

– Здравсте, – решительно начал Илья, обращаясь к скучающей девушке в окне. – Мне билет до Краснодара на поезд,

который без пятнадцати восемь.

Девушка начала вбивать данные Ильи в компьютер – и если тот надеялся, что про свидетельство о рождении она просто забудет, этого не произошло.

– Сейчас, сейчас... – Илья сделал вид, что копается в вещах, которых у него даже не было. – Так, где же... Ой, да чтоб его, забыл, что ли? Вы это окошко просто не заполняйте, мне прямо срочно уехать надо!

Взгляд девушки был незаинтересованным и холодным.

– Свидетельство, пожалуйста. В любом случае проводник его проверит до посадки в поезд.

Следующие минут пять Илья потратил на уговоры, которые на девушку никакого впечатления не произвели. Паша мрачно решил, что себе билет тоже покупать не будет – зачем тратить деньги, если его без документов не пустят в поезд? Илья определённо преувеличил своё умение решать проблемы.

Они подавленно вышли обратно на привокзальную площадь. Илья привалился к стене киоска с надписью «Беляши-Хаус». Паша поморщился. Как можно прислоняться на улице ко всему подряд? Футболку же потом не отстираешь!

– Двадцать минут до поезда, – мрачно сказал Илья. – Чего делать будем? Есть план «Б»?

Паша пожал плечами. Уехать поездом не выйдет, домой вернуться – тоже: там его наверняка поджидают. В кармане брякнул телефон, и он вяло его вытащил – на сообщение от

отца уже не надеялся. Это и правда был не он.

Мудрец_05: *«Молодец. Большие не попадайся. Спрячься у каких–нибудь родственников и сиди тихо».*

Значит, «Мудрец» откуда-то знает, что он сбежал от погони. Но откуда?

– Ого, – Илья уставился в телефон, перегнувшись через его плечо. – Вот это круто. Мы как в детектив попали. Ладно, сейчас придумаем что-нибудь. Знаешь, что надо, чтоб мозги заработали? Подкрепиться. У тебя пожевать что-нибудь есть? – он кивнул на Пашин рюкзак.

Паша порылся и вынул ярко-красный пакетик – больше никакой еды прихватить с собой не успел.

– Это что?

– Бразильский орех, – пробормотал Паша. У него было такое чувство, что он завалил годовой тест. – Они полезные, папа часто покупает.

– Ты вообще ничего не можешь без выпендрёжа делать? – хмыкнул Илья, но пакет надорвал и орехами захрустел.

– Бразильский? – вдруг спросил чей-то голос. – А можно попробовать?

Паша поднял голову. Рядом стоял смуглый черноволосый мужчина в стоптанных кедах и смотрел на пакетик. Рубашка у него была потная, липла к телу, как гидрокостюм. Паша подхватил рюкзак и отпрянул:

– Нам пора.

– Представляешь, как раз сегодня с другом про орехи бол-

тали, кто что любит, – как ни в чём не бывало продолжил мужчина. Кажется, ему просто хотелось поболтать. – Он такой: «А ещё бразильские люблю». Я всякие пробовал, но их – никогда! И тут слышу ваш разговор. Тебя прямо судьба мне послала. Ну, дай один всего? Пожалуйста!

Паша отступал, с неприязнью глядя на незнакомца. К таким людям отец велел даже близко не подходить. Тот протянул в его сторону смуглую ладонь. Паша представил, сколько на ней микробов, и уже хотел бежать во весь опор, но Илья пихнул его локтем:

– Слышь, не будь жмотом! Человек тебя попросил, а ты...

Паша хотел ему ответить, чтобы не лез не в своё дело, но смуглый продолжал улыбаться, вытянув ладонь. В этом жесте было что-то такое добродушное, что Паша, старательно держась подальше, осторожно вытряхнул ему на руку пару орехов. Тот кивнул и попробовал.

– На лесные похожи. Но вообще – ничего особенного! Так ему и скажу. Спасибо. – Он махнул им рукой и ушёл.

Они постояли, мрачно хрустя орехами. Паша уже собирался сказать: ничего не выйдет, плана «Б» нет, всему конец, – но тут открылась дверь киоска с беляшами, и из неё выглянул всё тот же смуглый человек, на этот раз в фартуке и прозрачной шапочке.

– Забыл спросить, чего грустные такие? Нормально всё? Я Мансур.

Он протянул руку. Паша хмуро посмотрел на неё, но по-

жать не решился.

– У нас всё хорошо, спасибо, – отчеканил он и приготовился бежать, но Илья наступил ему на ногу.

– Ничего не хорошо! Мы на поезд сесть не можем. Деньги есть, но без документов билеты не продают.

– Да, без документов плохо, – со знанием дела сказал Мансур. – А на поезд вам зачем?

Илья пихнул Пашу локтем в бок, но тот по-прежнему молчал. Он двинул ещё раз, посильнее. Паша не понимал, зачем ему общаться с незнакомым человеком, да ещё с таким, – ответил, только чтобы избежать очередного тычка:

– Мой папа пропал. Я знаю, где он. Примерно. Но не могу туда попасть.

Улыбка с лица Мансура исчезла:

– А ты его найти хочешь?

В его голосе Паше почудилось недоверие, и он вдруг разозлился:

– И найду. Вам какое дело? Попутку поймаю, пешком пойду, если надо. Доберусь туда, и всё, отстаньте. – Он закинул рюкзак на плечо, но не смог сделать и шагу: пятки Ильи стояли у него на кроссовках, видимо для профилактики побега.

– А мама где? – спросил Мансур. Паша без выражения смотрел на него. – Умерла? Так и думал. У сирот глаза грустные. Да уж, плохо дело. А это кто?

– Я его лучший друг, – встрял Илья. – Без меня он далеко не уйдёт. Вы гляньте, какой он дохляк! Мне тоже очень ну-

жен билет. Сможете помочь? Поезд уже уходит.

Паша еле слышно фыркнул. Что за ерунда, какие взрослые будут помогать детям нарушать правила? Но Мансур поразмышлял и вдруг спросил:

- Обратно как поедете?
- Разберёмся, – махнул рукой Илья.
- А деньги у вас не ворованные?
- Свои. Честное слово.
- Ну пошли за мной.

Он повёл их через заднюю дверь в свой киоск, где, окутанные клубами пара и запахами еды, обнаружили трое. Красивая смуглая женщина стояла у разогретой фритюрницы, парень лет двенадцати лепил беляши, а второй, поменьше, сидел в углу и помешивал ложкой тесто, одновременно ухитряясь играть с грязнущим пластиковым роботом.

– Помогают мне, пока в школе каникулы, – сказал Мансур. – Летом торговля хорошо идёт. Рашид, Ахмет, у меня вопрос. Если б я вдруг домой уехал и там пропал, вы стали бы меня искать?

Паша подумал, что отец, который заставляет детей работать, когда на улице лето, не очень-то стоит того, чтобы его искали. Старший вытер лоб – он был как раз из тех, кого Паша в школе презирал: обтрёпанная одежда, говорит с акцентом.

- Пап, что ты глупости говоришь?
- Ну скажи, порадуй старика.

– Да я бы землю носом рыл, – парень перевернул беляш и стукнул им о разделочную доску. – Если за родителей не постоишь, что ты за человек?

– И я, – встрял младший, ковыряя пальцем в носу. – Помогал бы. Рыть.

Улыбка Мансура стала шире.

– Алма, свидетельства мальчишек у нас где?

– В сумке, – сказала женщина, не отвлекаясь от своего занятия.

Паша вытер шею. Как вообще можно работать в такой жаре целый день? Почему тут нет кондиционера?

Мансур бережно достал из пластиковой папки два листа бумаги.

– Знаете, чем свидетельство от паспорта отличается? – Его зубы блеснули в улыбке, и Паша подумал, что никогда ещё не видел людей, которые бы так часто улыбались. – Тем, что там нет фотографии.

Он снял фартук, вытер руки и повёл их в знакомую до боли кассу. Паша потянул Мансура к самому дальнему окну, чтобы их не заметила девушка, которая не продала Илье билет. Илья взволнованно дышал Паше прямо в ухо, но тот смирился даже с этим и не сказал ни слова.

– Два билета до Сочи, на ближайший, – сказал Мансур, улыбаясь сонной женщине в окошке. – Это детки мои. На каникулы отправляю, к бабушке. Чуть не опоздали.

– Как раз два места осталось, в плацкарте, – женщина за-

щёлкала клавиатурой. – Ещё и рядом! Повезло вам. Видимо, сегодня сдал кто-то, на этот поезд билеты быстро разбирают.

Про то, что ему только до Краснодара, Илья ничего не сказал. Не дурак всё-таки – не стал хорошую легенду портить. Паша сжимал в руке банковскую карточку, Мансур – два свидетельства. Кассирша посмотрела в одно из них, потом на Илью.

– Ибрагимбеков Рашид Мансурович?

Илья как ни в чём не бывало кивнул. Паша с сомнением глянул на его белые, как бумага, волосы. Потом на голубые глаза под бесцветными ресницами. С Ильи можно было рисовать рекламный плакат для шоколада «Кузя, друг Алёнки».

– Такой уж уродился, – развёл руками Мансур. – В деда моего. Тот был этот... альбатрос.

– Альбинос, – машинально поправил Паша.

– Ну да, ну да. Видите, какие умные?

Женщина без интереса кивнула и перевела взгляд на Пашу.

– Ахмету Мансуровичу десять лет, судя по документу.

– Так ему десять, – простодушно сказал Мансур, и Паша впервые в жизни порадовался своему небольшому росту и тощим конечностям. – Слушайте, поезд без них уйдёт. Они весь год учились хорошо, им на море надо, – и он улыбнулся такой счастливой, простодушной улыбкой, что женщина вздохнула и стала вбивать данные в компьютер.

– Быстрее! – торопил Мансур, подгоняя их вдоль платформы: он сам, кажется, заразился их азартом. – Пятый вагон у вас.

На платформе пахло чем-то незнакомым. Паша подумал, если бы у путешественников был запах, он был бы как раз такой, и его сердце забилося сильнее.

– Только их документы я обратно заберу, а то потеряют, – сказал запыхавшийся Мансур проводнице, стоявшей у вагона. – Вы за ребятами присмотрите, хорошо?

– Мансур, – тихо сказал Паша так, чтобы она не слышала. – Когда вернёмся, я вам килограмм этих орехов куплю и принесу.

– А не врёшь?

– Я никогда не вру.

– Хороший ты парень! – Мансур вдруг притянул его к себе и обнял.

Паша хотел вывернуться, но так и не двинулся, только на секунду сжал в ответ руки на его потной рубашке.

– И тебе удачи, – Мансур обнял Илью и потрепал по голове. – Берегите там себя.

Он махнул им и пошёл обратно. Проводница закрыла двери и ушла, поезд тронулся, а они так и стояли в тамбуре, глядя вслед удаляющейся спине Мансура.

– Почему он нам помог? – негромко спросил Паша. – Я думал, он денег попросит.

– Знаешь, если бы все на свете были такие, как ты, человечество уже вымерло бы. Орехи-то оставшиеся давай, жутко есть хочется.

– Не могу. Я их ему в карман сунул, пока он с тобой прощался.

Илья фыркнул:

– Знаешь, кстати, ну ты и козёл. Не спорил, когда он решил, что мать твоя умерла! Разжалобил его, молодец, но про такое даже я бы врать не стал. У вас в квартире вон как прибрано – не ты же там всё вымыл. Она небось на показ какой-нибудь модный уехала или вроде того, а?

Паша открыл рот, чтобы сказать, что чистоту наводит уборщица из клининговой службы, но раздумал. А Илья уже вертел головой по сторонам, приоткрыв рот.

– Ничего себе! И правда получилось. Так, где там наши места...

Паша шагнул за ним – и остановился. Поезд разгонялся медленно, платформа ещё не скрылась из виду, и Паша сразу узнал запыхавшегося человека, который выскочил на неё. Это был Морж.

– Ну что ты встал, пошли, – Илья ничего не заметил: он нетерпеливо дёрнул Пашу за рукав, вглядываясь в недра вагона.

Паша потащился за ним, стараясь не думать о главном: если Морж давно потерял их, то как ухитрился снова найти?

Глава 4

Бегство Помпончика

Всё, что Паша слышал о плацкартных вагонах, оказалось чистой и ужасной правдой. Длинное общее пространство, разделённое перегородками, – вроде конюшни со стойлами. Никаких дверей, коридор узкий, в шаг шириной, все спешат туда-сюда, постоянно натыкаясь друг на друга. Паша даже не понял, как люди ухитряются найти свои места. Зато Илья явно чувствовал себя в этом кошмаре как рыба в воде. Через минуту он уже стоял посреди тесного отсека и весело оглядывал сидевших там людей.

Их было пятеро – точнее, четыре с половиной: низенький мужчина в спортивном костюме и строгая пожилая женщина сидели на нижних полках, а толстяк в наушниках и девушка с младенцем на руках – за столиком у противоположного окна. Младенец, конечно, ревел во всё горло: ничего другого от этого дня Паша и не ждал.

– А тут есть что-нибудь вроде шкафа с ключом? – тихо спросил он у Ильи. Тот был полон пугающего энтузиазма: улыбкой, игравшей на его лице, можно было осветить целый район. – Куда мы вещи положим?

– Под полку, гений. Ну или навверх закинем.

Паша недоверчиво заглянул под нижнюю полку, надеясь,

что это шутка. Он сразу представил, как ночью в поезд забираются бандиты и спокойно всё крадут. Но никто, кроме него, про это вроде не думал: пространство было набито чемоданами и сумками. Паша сел на край полки, прижав к себе рюкзак. При мысли, что придётся провести здесь чуть ли не двое суток, у него волосы встали дыбом.

Тут мужчина в спортивном костюме деловито расстелил на столе пакет, встал на него и начал раскладывать на верхней багажной полке своё имущество: удочки, сачки, сумки. Паша с ужасом посмотрел на его ноги. Он правда встал на стол? Да, в носках, да, на пакет, но... Как ни странно, остальные не обратили на это ни малейшего внимания.

– На рыбалку еду, к друзьям, – как ни в чём не бывало объяснил мужчина. – Сейчас самый клёв. Эй, ребята, что у вас вещей так мало?

Придумать ответ Паша не успел, мрачная седая женщина, сидевшая напротив, подняла голову от кроссворда:

– Чтобы не буянили тут. Я тридцать лет директором спортшколы проработала, знаю, чего от вас, хулиганов, ждать.

И она метнула на них такой взгляд, каким в древние времена, судя по легендам, убивали на месте.

– Показывай, чего с собой прихватил, – негромко сказал Илья. От соседства с директрисой он слегка приуныл.

Ничего показывать Паша не собирался, но Илья выхватил у него рюкзак и начал в нём рыться. Паша заглянул через

его плечо – ему и самому было интересно, потому что он не помнил, что туда положил.

В рюкзаке нашлась пара футболок, влажные салфетки, сухие салфетки, книга «Занимательная физика» и зарядка от телефона.

Илья долго молчал.

– Я всё понимаю, – выдал он наконец таким тоном, будто говорит с больным. – Но почему физика?

– Прихватил то, что на столе лежало. Слушай, я же спешил, и...

– Не продолжай. Ты на всю голову странный... – Договорить помешала нога рыбака, которая чуть не засветила ему в нос, но Илья успел уклониться с поразительной ловкостью, будто подобное происходило с ним каждый день.

– Извини, пацан, – рыбак наклонился к ним. – Равновесие потерял. Никак не могу вещи уложить, падают.

– А что у вас там так воняет? – поджав губы, спросила директор.

– Прикорм на кукурузном масле. С анисом и мясным ароматизатором. На леща.

– Отличная, кстати, вещь. Жмых или крупу им пропитать – рыба так и идёт, – внезапно подала голос девушка, продолжая укачивать малыша.

Все здесь разговаривали так, будто знают друг друга сто лет. Мужчина фыркнул:

– Вы же женщина, откуда вам знать?

– Я бы не меньше вас наловила, даже если бы у меня в одной руке ребёнок был. И кстати, прикорм так сильно вонять не должен. У вас бутылка не разлилась?

Рыбак, опасно балансируя на столе, открыл рюкзак. Запах стал ещё сильнее – у Паши аж глаза заслезились.

– Да, и правда подтекает, – задумчиво протянул он, двумя пальцами держа блестящую от масла пластиковую бутылку. – Ну ладно, что с ней делать, зафиксирую как-нибудь.

Он ещё пошуршал вещами, спрыгнул на пол, убрал со стола пакет. И тут же задал вопрос, которого Паша боялся больше всего:

– А вы что, одни? Куда едете?

– Он в Сочи едет, к бабушке, – нашёлся Илья. – А я в Краснодар, тоже к бабушке. Нас родители давно одних отправляют.

Тут у Ильи звякнул телефон – пришло сообщение. Он взглянул на него, поморщился и убрал мобильник в карман.

Единственным, кто за всё время не произнёс ни слова, был толстяк в наушниках. Он раскладывал на столике перед собой еду, салфетки, пластиковые столовые приборы, и казался воспитанным, не из тех, кто встаёт на стол ногами. Паша тут же проникся к нему симпатией. Тем более что, судя по гигантским наушникам, тот не слишком любил общаться с соседями.

Перед толстяком тем временем появились: бутерброды с рыбой, сырная нарезка, колбаса, какой-то готовый салат и

копчёная курица. Илья провожал каждый кусок, исчезающий у толстяка во рту, тем непередаваемым взглядом, каким бездомный пёс следит за людьми в кафе. Паша старался вообще не смотреть – он страшно хотел есть, но признаваться в этом было стыдно, а где здесь люди покупают еду, он понятия не имел.

Пока он об этом думал, Илья вдруг потянулся к толстяку и похлопал его по плечу. Паша в ужасе замер. Толстяк стащил наушники и дружелюбно посмотрел на Илью. Из наушника полилось бодрое дребезжание рока.

– Дядя, – проникновенно сказал Илья, глядя на него печальными глазами, – пожалуйста, дай бутерброд. Мы сумку с едой забыли.

Паша чуть не закрыл руками голову: от стыда ему хотелось провалиться сквозь землю. Он был уверен, что толстяк сейчас фыркнет, наденет обратно наушники и отвернётся – так, скорее всего, поступил бы он сам, – но тот взял пластиковую тарелку, положил на неё понемногу всего, что лежало перед ним, и протянул Илье. Даже одну из своих пластиковых вилок не пожалел! Илья быстро закивал в знак благодарности, Паша еле слышно прошелестел: «Спасибо большое», но толстяк уже надел наушники и вернулся к еде, будто ничего странного не произошло.

Пришла проводница, ещё раз проверила у всех документы, и Паша с благодарностью вспомнил Мансура: проводница запомнила, что свидетельства он забрал, и у Паши с Ильёй

ничего проверять не стала. Когда она ушла, Илья уселся рядом с Пашей, поставил тарелку на колено и принялся методично уничтожать всё, что на ней лежало, а когда Паша потянулся, чтобы присоединиться, отпихнул его руку:

– Для начала скажи что-нибудь типа: «Дорогой Илья, я беру назад все слова про то, что ты debil».

Паша насупился.

– Что, не дождусь? Ну тогда извини, – и с этими словами Илья быстро затолкал в рот очередной бутерброд.

Паша отвернулся и сделал вид, что с большим интересом читает надпись на пакете с постельным бельём, а потом наткнулся взглядом на кроссворд сидевшей рядом женщины, которая тридцать лет была директором спортшколы.

– Канталупа, – сказал он.

– Ты как меня назвал? – возмутилась она. – Что за хамство!

– Нет, это у вас в кроссворде. Итальянская дыня, – объяснил он, но женщина уже гневно отвернулась. – А по вертикали там будет слово «фарватер», под ним – «безысходность» и... А-а-а-пчхи.

Паша чихнул снова, а потом ещё раз пять. Он чувствовал себя как-то странно: глаза слезились, из носа текло. За следующие полчаса, пока Илья слушал байку соседа о невероятно огромной рыбине, выловленной в Подмоскowie, Паша истратил полпачки бумажных платков.

– Простудиться успел? – презрительно бросил Илья.

– Нет. У меня, кажется, аллергия на этот поезд, – хрипло сказал Паша.

– Да с чего? Тут даже животных нет.

– Почему нет? – удивилась директор. – А Помпончик?

Она потянулась под полку и достала оттуда сумку с забранным сеткой окошком. В сетку тыкалась маленькая морда с круглыми ушами.

– Хорёк, – поражённо выдохнул Паша. – Они же хищники, да?

– Да-да, хищничек, домашненький, любименький, сарделечка моя, – лицо у директора сразу стало таким нежным, будто животных она любила больше, чем людей. – В санаторий еду. Знаете сколько пришлось искать, чтобы с хорьком пускали!

– Ого, какой зверь, – толстяк снял наушники и улыбнулся. – Можно я ему колбасы дам?

– Нельзя. Он ест только свежее мясо, – с негодованием ответила директор.

Паша чихнул, прижимая к лицу предпоследний оставшийся платок.

– У тебя что, аллергия на хорьков? – не поверил Илья. – Что ты за человек? Ладно бы на собак или лютики, но на хорьков!

– Не может быть на него аллергии! Хочешь поддержать? – Женщина открыла молнию на сумке и вытащила хорька. Паша замотал головой. – Да ладно, он не кусается, ну не все-

прёз. Смотри, какой славный малыш.

Она пощекотала хорьку горло – тот попытался тяпнуть её за палец, но она вовремя убрала руку – и протянула Паше. Зверь щёлкал мелкими острыми зубами, глядя на него так, будто нашёл-таки свежее мясо на ужин. Паша отпрянул.

– Вот дети теперь! Только с телефонами своими играют. Раньше все животных любили, как зверушку видели – за уши не оттащишь, – директор ткнула хорьком в сторону Ильи, но тот ловко сделал вид, что завязывает шнурки.

Ребёнок у девушки на руках заплакал громче.

– Я на минутку отойду, – вяло сказал Паша и пошёл искать туалет.

Обнаружился он в конце вагона. Кнопку слива Паша кое-как нашёл, а вот с краном разобрался не сразу. Оказалось, на него нужно жать сверху, но вода льётся совсем недолго. Паша урывками умылся и долго изучал в зеркале свою шею. Судя по ощущениям, там должен был уже налиться синяк, но следы от пальцев Моржа были едва заметны. От воспоминаний о нём Пашу передёрнуло. Этот усатый, похоже, опасный тип – Паша уж точно не первый, на ком он опробовал этот приём с удушением. Одно хорошо: больше они не встретятся. На вокзале Моржу повезло, но теперь Паша удаляется от него на всех парах. От этой мысли настроение немного исправилось. Даже голод притупился – утром придумает, как раздобыть еды.

Паша нашёл кулер, жадно выпил три стакана воды и вер-

нулся на своё место. Там ничего не изменилось, разве что Илья и рыбак теперь болтали как лучшие друзья. Хорёк, к счастью, был убран на место, но Паша всё равно чувствовал его присутствие по своим слезящимся глазам и кому в горле. У него никогда не было аллергии на кошек, но ведь хорёк и не кошка...

Тут девушка посмотрела на него и, не переставая трясти погремушкой, требовательно спросила:

– Ты не заразный? У тебя правда аллергия?

Паша кивнул.

– Давай-ка проверим.

Одной рукой держа ребёнка, второй она ловко нащупала в сумке упаковку таблеток и выщелкнула одну на ладонь. Паша проглотил таблетку и откинулся головой на стену. Скоро его отпустило, дышать стало легче.

– Спасибо, – просипел он. – По-моему, вы мне жизнь спасли.

– Не за что. Давай-ка поддержи его, пойду умоюсь. – И она вдруг протянула ему ребёнка.

– Почему я? – пролепетал Паша.

Она посмотрела на остальных. Рыбак с Ильёй теперь сидели друг напротив друга, сцепившись ладонями, и каждый старался повалить руку соседа на стол. Толстяк поглощал очередной бутерброд и покачивал головой в такт музыке в наушниках. Директор смотрела в кроссворд так, будто взглядом пыталась заставить его загореться.

– У тебя тут самый благонадёжный вид, – сказала девушка. – Аккуратненько поддержишь? Он только поел, не проснётся.

Паша открыл было рот, чтобы возразить, но она уже ушла. Он никогда не держал детей, так что просто замер неподвижно, как статуя, а потом ребёнок заворочался, приоткрыл глаза и заплакал. Паша беспомощно огляделся. На плач никто не обратил внимания – к нему все уже привыкли.

Он слегка покачал ребёнка – так, как видел в фильмах. Но тот молотил по воздуху ручками и Пашу за свою маму явно не принимал. Ещё в фильмах детям пели или рассказывали что-нибудь. Петь Паша не умел и от отчаяния решил рассказать. Он весь вечер думал об отце, картинах и о том, что такого отец мог найти где-то под Сочи, и теперь брякнул первое, что пришло в голову:

– Жил да был художник Коровин. Он рисовал лодки, набережные, Чёрное море. Любил яркие краски, чтобы цветы были пёстрыми, а море – синим. Там, куда мы поехали, всё будет как на его картинах.

Паша мерно потряхивал младенца, поезд тоже потряхивало, и слова от этого получались ритмичными, упруго отскакивали друг от друга, как мячи от асфальта. Младенец затих, и Паша, воодушевлённый успехом, решил продолжать в том же духе:

– А есть ещё Васнецов, художник для пацанов. Добро пожаловать в мир богатырей и дворцов, где повсюду царевны,

волки, ковры-самолёты, здесь храбрый витязь не останется без работы. Или Рерих – он рисовал горы, Азию, дикие пре-рии, странных существ и прочее, днём и ночью, с понедельника по воскресенье. Ну а мне нравится Верещагин. Его тоже любят мальчишки, ведь он про войну знал не понаслышке – сам поехал на фронт, воевал с японцами и пошёл ко дну на боевом броненосце. У него на полотнах – черепа, шпионы, солдаты, люди убивают друг друга без жалости – даже Илье бы такие картины понравились. Ещё был Серов, и – если спросить моих сверстников – все его помнят как автора «Девочки с персиками». Ему портреты вообще удавались, они всегда хорошо продавались, и...

Он случайно поднял глаза и поперхнулся. Все, кто сидел вокруг, давно бросили свои занятия и смотрели на него. Малыш сонно моргал, глядя в потолок. Глаза у него слипались.

В этот момент вернулась девушка и забрала ребёнка у Паши из рук.

– Я же говорила, что не проснётся, – весело сказала она, сдувая с лица влажную прядь.

– А ты чего, рэпер? – уважительно спросил рыбак, с одобрением глядя на Пашу. – Про пацанов на районе и «девятку» можешь такую телегу выкатить?

– Э... – сказал Паша.

– Да ты свой парень! – Рыбак стукнул его по плечу. – Давай к нам! Армрестлинг уважаешь?

Илье всё это не понравилось, и он собрался что-то сказать,

но тут у него опять зажуужал телефон. Он мазнул по нему взглядом и отвечать на сообщение не стал, но настроение от прочитанного у него явно испортилось.

– Я, если можно, спать лягу, – сказал Паша и посмотрел на верхнюю полку, рядом с которой был указан номер его места.

Там лежали скатанный в рулон матрас, подушка, одеяло и – какое счастье! – герметично запакованный пакет с постельным бельём. Паша представил, головы скольких людей лежали на этой подушке до него, и содрогнулся. А вдруг на ней остались их волосы? А вдруг микробы проберутся к нему даже сквозь наволочку? Он торопливо начал заправлять постель: натянул простыню на матрас, наволочку на подушку, вдел одеяло в пододеяльник. Прodelывать всё это, стоя в узком проходе между полками и нависая над соседями, было неловко и как-то глупо, но так хотелось лечь на чистое, что справился он на удивление быстро. И тут возник другой вопрос.

– А как туда залезть?

– Упираешься руками, подтягиваешься – и готово, – серьёзно сказал Илья.

– Другого способа нет? – с сомнением спросил Паша, глядя вверх. – Как туда старушки залезают? И дети?

– Все подтягиваются, – ответил Илья. – Других таких дохляков, как ты, нету.

Паша попытался, но подтянуться на такую высоту оказа-

лось непросто. Полминуты он старательно пыхтел, подпрыгивал и дёргался. Рыбак и Илья, судя по их красным лицам, из последних сил держались, чтобы не расхохотаться. Директор же подняла голову, только когда Паша случайно задел ногой её кроссворд.

– Простите, – выдохнул он.

– Что ты цирк устраиваешь, мальчик? В поезде никогда не ездил? Прекрати народ смешить, там ступенька есть.

И правда, у стены обнаружилась ступенька.

– Здорово мы тебя разыграли, а? – хохотнул рыбак.

– Видел бы ты, как между полками болтался, – вытирая глаза, простонал Илья. – Вот прикол!

Паша в этом ничего смешного не видел и хмуро взобрался наверх. Багажная полка нависала так низко, что Паша дважды треснулся о неё головой, прежде чем улёгся. Он отвернулся к стене, прижав к животу рюкзак. Подушка была как мешок, набитый комками. Снизу доносился смех и разговоры.

Постепенно все заснули, хотя легче от этого не стало: теперь с разных концов вагона доносился храп. Ребёнок заплакал, но девушка пошептала ему, и он затих. А успокоить хорька было некому: он крутился и топотал где-то внизу. Паша лёг на спину и уставился в полку над собой. Его потряхивало, но аллергия была уже ни при чём. До него медленно доходило, что поезд удаляется от Москвы всё дальше. Да, это увеличивает расстояние между ним и Моржом, но... На

обратный билет денег нет, а ещё в целом Паша понятия не имеет, куда едет. От этой мысли в животе всё сжалось до размеров теннисного мяча.

Паша решил не спать: вдруг украдут рюкзак, а там мобильник и карточка, хотя на ней и было-то рублей шестьсот. Илья, дрыхнувший без задних ног на соседней полке, оставил свой телефон прямо на столике – бери кто хочет. Его телефон вдруг завибрировал, но Илья даже не шевельнулся. Паша потянулся вниз и, движимый каким-то болезненным любопытством, взял мобильный.

Днём Илья дважды разблокировал экран, соединяя на нём точки. Запомнить, в какой последовательности он это делал, было легко. Паша не стал бы лезть в чужой телефон, но в уведомлении значилось, что сообщение от матери Ильи, и он не смог себя остановить. Если ей плохо, если там что-то серьёзное, он разбудит Илью, вот и всё.

«Илюша, я ужасно волнуюсь за тебя, не могу спать. Пожалуйста, малыш, напиши мне, что с тобой всё хорошо и где ты».

Паша долго смотрел в телефон. А потом в порыве вдохновения нажал «Ответить» и написал:

«Мама, не переживай, со мной всё хорошо. Друг из школы и его родители позвали меня к себе на дачу. Тут очень здорово, мы весь вечер играли в настольные игры. Пожалуйста, не волнуйся».

Потом он подумал и убрал все запятые – так будет больше

похоже на Илью. Он отправил сообщение, а затем стёр его с пометкой «Удалить только у себя», чтобы Илья не увидел. Паша вытянулся на полке, крепче обнял рюкзак, ещё раз пообещал себе не спать и сам не заметил, как заснул.

* * *

Он проснулся оттого, что яркий свет бил по глазам. Пару секунд лежал, не понимая, почему трёхметровый потолок в его квартире вдруг оказался в тридцати сантиметрах от лица. А потом всё вспомнил. Паша подскочил, немедленно ударившись головой о верхнюю полку, и начал судорожно проверять вещи в рюкзаке. Как ни странно, всё было на месте.

– Знаешь, худший псих во всём поезде – это ты, так что выдохни. Не нужны никому твои шмотки, – раздался голос Ильи. – Ну ты и спишь! Три часа дня уже. Я думал, ты помер.

Паша, потирая ушибленный лоб, посмотрел вниз. Там кипела жизнь: толстяк ел котлеты с пюре – откуда он их взял, было загадкой; директор чесала щёткой хорька, сидевшего у неё на коленях; Илья помогал рыбаку со снастями, а девушка с ребёнком давала им советы. Теперь все казались Паше такими родными, будто они знакомы сто лет. Он даже неуверенно улыбнулся:

– Доброе утро. Никто не будет возражать, если я слезу?

– Тебе никогда не хочется дать своему другу подзатыльник, чтобы говорил попроще? – спросил рыбак.

– Постоянно, – ответил Илья.

Паша соскользнул с полки – получилось неплохо – и сел на свободное место. За окном проносился новый, незнакомый мир: другие деревья, другой свет, будто всё вокруг налилось красками. Мимо летели поля, деревни и... Паша даже вздрогнул от неожиданности.

– Вы... вы видели? – растерянно оглянулся он. Все посмотрели на него. – Там корова... Живая корова!

– Да ты что, – с каменным лицом сказал Илья.

– Но я... я её видел!

– Вот достижение, а.

Остальные тоже выглядели так, будто ничего удивительного не произошло. Паша вздохнул и отправился покупать у проводницы зубной набор.

Илья, который увязался за ним, на щётку и крохотный тюбик пасты посмотрел неодобрительно.

– Нашёл на что деньги тратить. В кои-то веки зубы чистить не заставляют!

– Твоим зубам щётка не помешала бы, а пятьдесят пять рублей – ерунда, – вяло отшил Паша.

Оказалось, что еды тоже можно купить у проводницы. Паша выбрал пачку печенья и стаканчик сухой лапши. Илья на лапшу глянул без интереса, из чего Паша сделал вывод, что бедного голодного мальчика уже накормили все, кто мог.

Умывшись, он съел свою лапшу, потом зажевал печенье – Илья немедленно присоединился – и пошёл к окну около

уголка проводницы. Там можно было ни с кем не разговаривать, никого не слышать. Ненадолго поймалась сеть, и Паша снова позвонил отцу. Никакого ответа, сообщения тоже не просмотрены.

Паша долго стоял там, глядя на проносящиеся за окном поля. Вернулся на место, только когда свет стал тёплым, почти вечерним. Полез в рюкзак за зарядкой для телефона – и наткнулся на свёрнутый лист бумаги.

«УчД 23 05 9 05 20Б». Записка, которую он нашёл у отца на столе.

Почему так много цифр? «23 05» – это дата, день встречи. А что такое «9 05»? Девятое мая? Но с чего сначала идёт двадцать три, а потом девять? Может, «9 05» – это время? Странное какое-то. И как расшифровывается УчД? Если цифры – время, тогда буквы – это...

– Это что за каракули?

Паша шарахнулся в сторону, когда Илья попытался вырвать у него лист. Во второй руке он держал выпрошенный у кого-то банан.

– Не твоё дело.

– Нет, серьёзно, что это?

– Знаешь, учитывая твой уровень развития, вряд ли ты мне с этим поможешь, – довольно злобно сказал Паша.

– Ну, как знаешь, – пробормотал Илья и отстал.

Поезд замедлился, кажется, подъезжал к большой станции. Отец сказал, что отправился куда-то под Сочи. А вдруг

УчД – название места? Паша полез было в интернет, но его отвлёк рыбак.

– Чего такой надутый, малец? – весело спросил рыбак. – На море же едем!

И Паша подумал: «В конце концов, почему не спросить?» После всего, что произошло за последние сутки, разговор с едва знакомым человеком перестал казаться таким уж страшным.

– Вы, случайно, не знаете, есть около Сочи место, название которого похоже на это?

Он протянул рыбаку записку. Тот задумчиво почесал подбородок. Паша был уверен, что ничего он не скажет, но вдруг морщины на лбу рыбака разгладились:

– Ясное дело, знаю. Это...

И тут поезд остановился.

– Это Россошь! – ткнув за окно, воскликнул рыбак. – Пирожков надо купить. Поезд пятнадцать минут стоит, а тут в киоске самые вкусные пирожки, какие я ел. – И, схватив кошелёк, он умчался.

На часах было пять часов вечера. Остальные тоже потянулись к выходу, а Илья подсел к Паше на нижнюю полку.

– Слушай, – начал он. Голос у него был злой: Илью явно обидело, что его оставили за бортом обсуждения. – Я тут подумал: даже если ты узнаешь, куда именно он поехал, как ты его найдёшь? Денег у тебя сколько осталось – рублей пятьсот? Я-то в пять утра в Краснодаре сойду, и до сентября не

увидимся. А ты чего делать будешь?

Паша сжал губы. Ответить ему было нечего. Илья увидел, что задел его, и решил не останавливаться на достигнутом:

– Ты у нас типа крутой, а я никто, да? Но ведь не у меня папаша свалил неизвестно куда. Не я свинтил из дома с набором начинающего психопата. – Илья кивнул на рюкзак.

У Паши застучало в висках, и он впервые в жизни почувствовал желание схватить человека за воротник и впечатать в ближайшую стену. Илья смотрел так вызывающе, будто только этого и ждал.

– Что, врежешь? А тебе не слабо?

Паша уже сжал кулаки, заранее понимая, что драка будет проиграна, но вдруг сверху раздался знакомый голос:

– Привет, ребята.

От этого голоса у Паши одеревенела шея, и он пару секунд не мог заставить себя пошевелиться. Потом наконец поднял голову.

В проходе стоял Морж. Рубашка на нём была другая – и снова наглухо застёгнутая.

– Здравствуйте, а вы кто? – спросил рыбак.

Он уже вернулся с целым пакетом пирожков и протиснулся мимо Моржа к столу. За спиной у него маячили остальные, тоже с пирожками.

– Я его дядя, – Морж кивнул на Пашу. – Эти молодые люди сбежали из дома, решили на море съездить. Мы их еле отыскиали. Родители чуть с ума не сошли, а этим хоть бы что.

Я за ними от Москвы на машине ехал, поезд догонял. Всё, ребята, на выход. Попутешествовали – и хватит.

– Это враньё, – сказал Илья.

Паша закивал, уже не думая о том, что минуту назад хотел ему врезать. Он обвёл всех взглядом, ища поддержки, и понял одну вещь, которая раньше не приходила ему в голову: взрослые всегда на стороне взрослых.

– А я всё думал, почему они без присмотра едут, – протянул рыбак.

– Мне они сразу не понравились, – сказала директор.

– Разве можно так с родителями поступать? – возмутилась девушка, прижимая к себе ребёнка.

Толстяк просто осуждающе покачал головой и достал из пакета пирожок.

– Может, начальника поезда вызвать? – спросил рыбак.

– Не надо. – Морж смотрел на Пашу так, что было ясно: шутки с ним плохи. – Я их домой заберу. Пошли, ребята.

Паша сглотнул. Остановка на этой станции длится пятнадцать минут, и десять из них уже прошли.

– Прежде чем выйдем, может, вы им расскажете, как влезли в мою квартиру? И что произошло в машине? – звенящим голосом начал он и повернулся к остальным. – Он преступник. Наверное. И мы никуда с ним не пойдём. Попытайтесь сдвинуть меня с места – заору.

– Какие дети пошли, а? Ремня бы им хорошего! – Морж обвёл взглядом присутствующих.

Пассажиры согласно закивали, и в эту секунду Паше показалось, что все взрослые на свете, которым он так верил, предали его.

– Друг, помоги мне вывести их из поезда, – Морж обратился к рыбаку. Тот с готовностью кивнул.

– Мы вам все поможем, – поддакнула директор.

– Он собирался меня похитить, – выдавил Паша. – Мой отец пропал, а этот знает, где он.

– Во заливает, – пробормотал рыбак и шагнул к нему.

Остальные тоже плотным кольцом сомкнулись вокруг Паши и Ильи, тот застыл на месте, словно баран.

«Это задача, которую необходимо решить, – сказал себе Паша, стараясь не трястись. – Надо просто с чего-то начать».

Он коротко взглянул вверх. Вещи, которые рыбак вчера упикивал на багажную полку, лежали там по-прежнему ненадёжно, едва не падая.

Паша поставил ногу на ступеньку, резко подтянулся и сбросил вниз удочки рыбака. Их было штук пять. От неожиданности все пригнулись. Паша воспользовался моментом, чтобы нырнуть под полку и рвануть застёжку на сумке с Помпончиком.

Хорёк, мгновенно почуяв свободу, выбрался и длинным прыжком вскочил на стол. Директор завопила и бросилась его ловить. Девушка прижала к себе ребёнка. Толстяк натянул наушники и вернулся на своё место – к погрому он явно не хотел иметь отношения. Рыбак попытался помочь с хорь-

ком, но споткнулся об удочку. Помпончик крупными прыжками промчался мимо Паши по коридору, рыбак и директор, толкая друг друга, бросились за ним.

Морж схватил Пашу за руку, но тот вывернулся. Настал момент для последнего штриха: он ещё раз вскочил на ступеньку и подтянулся. Рыбак вчера сунул подтекающую бутылку с прикормом для леща в боковой карман рюкзака. Паша вытащил её и бросил в Моржа, сжав пластиковые стенки изо всех сил. Маслянистое, пахучее содержимое бутылки брызнуло во все стороны. Морж замотал головой, вытирая глаза, но даже вслепую успел схватить Пашу за футболку.

К счастью, прикорм был на масле, а масло делает пол очень скользким. Морж, потеряв равновесие, рухнул, а Паша бросился к выходу из вагона. Проводница уже собиралась закрывать дверь, значит, поезд вот-вот тронется. Паша выпрыгнул на платформу, Илья за ним, и проводница, возмущённо крича что-то им вслед, заперла дверь.

Скоро Паша увидел через стекло двери перекошенное, блестящее от масла лицо Моржа. Тот что-то орал проводнице. Наверное, пытался заставить её снова открыть дверь, чтобы он тоже мог спрыгнуть. Но поезд уже набирал скорость и, конечно, не остановился.

– Я думал, ты тихий псих, – с тоской сказал Илья, глядя вслед поезду. – Теперь я, пожалуй, уберу слово «тихий».

– Чего тогда в вагоне не остался? – выдохнул Паша.

Он прокручивал в голове всё, что устроил пять минут на-

зад, и медленно покрывался испариной от ужаса. Ну, хотя бы Помпончик вслед за ними из вагона не прыгнул, беднягу уже наверняка поймали и вернули хозяйке.

– А ты видел, как Морж на меня посмотрел? – возмутился Илья. – Будто башку мне сейчас открутит. Нет уж, спасибо! Да и после разгрома, который ты устроил, неохота было оставаться. Как тебе в голову такое пришло? Хорёк, удочки, прикорм на леща?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.